

Восточный вектор российской геополитики в 1913 году*

К.И. ЗУБКОВ, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург. E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

В статье автор анализирует достижения и неудачи российской геополитики на дальневосточном и центральноазиатском направлениях перед Первой мировой войной. Доказывается, что новые черты в развитии отношений Российской империи со странами Восточной Азии, вступающими на путь модернизации, определялись переплетением традиционной борьбы за сферы влияния с мирной экспансией российского торгового-промышленного капитала на перспективные рынки и укреплением безопасности российских границ. Выявлены проблемные узлы и системные слабости российской геополитики на Востоке, могущие служить полезными уроками для современного развития отношений России со странами АТР.

Ключевые слова: Россия, геополитические интересы, экономическая экспансия, Дальний Восток, Центральная Азия

Год 1913-й имеет для истории России глубокий символический смысл. Это был последний мирный год перед чередой постигших Российскую империю катастрофических событий, и потому он оправданно считается точкой отсчета, относительно которой в XX в., уже в России советской, оценивались позиции страны в экономике, уровне жизни населения и темпы ее дальнейшего развития. В 1913 г. Россия находилась в зените нового промышленного подъема, начавшегося в 1909-м, и существенно опережала по темпам роста промышленности другие великие державы¹. Пышно праздновавшееся 300-летие дома Романовых было призвано укрепить в сознании современников уверенность в великой будущности России².

* Работа выполнена в рамках проекта ориентированных фундаментальных исследований УрО РАН «Трансграничное интеграционное взаимодействие регионов России и Казахстана: опыт, проблемы и перспективы» (проект № 13–6–007–СГ).

¹ См.: *Бородкин Л.И.* О темпах промышленного роста дореволюционной России: модернизационный контекст дискуссии // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение. Материалы Всероссийской научной конференции* (Екатеринбург, 2–3 июля 2009 г.). – Екатеринбург, 2009. – С. 84–93.

² Россия под скипетром Романовых. 1613–1913. – М., 1990. – С. 232–233.

Однако 1913-й с такой же очевидностью обнаружил и всю хрупкость и неустойчивость достигнутых успехов, поскольку рост напряженности в отношениях великих держав, гонка вооружений, дипломатические кризисы свидетельствовали о близости большой европейской войны. Гораздо больше стабильности и перспектив обещало в 1913 г. России ее взаимодействие с соседними государствами Центральной Азии и Дальнего Востока, где сферы влияния и интересы основных геополитических «игроков» еще только обретали устойчивые конфигурации. Именно на восточном фланге российской геополитики 1913 г. стал маркером целого ряда позитивных тенденций, которые намечали возможные пути прогрессивного развития России, если бы мирное строительство не было прервано мировой войной.

Россия и Япония: от вражды к альянсу

Важнейшим фактором стабилизации геополитических позиций России (пусть не самых выгодных) на Дальнем Востоке стало принципиальное изменение характера взаимоотношений с Японией. После унижительного поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. настроения русских военных стратегов колебались между жадной реванша и мрачными предчувствиями окончательной утраты Россией своих позиций на Тихом океане. Потеря Южного Сахалина и Курильских островов, передача Японии аренды на Ляодунский полуостров и большей части Южно-Маньчжурской железной дороги (от Чанчуня до Порт-Артура)³ были для России весьма чувствительным стратегическим проигрышем, уничтожавшим возможность расширить ее позиции в Маньчжурии и нейтрализовать японское преобладание в Корее созданием сплошного военно-морского периметра от Камчатки до Порт-Артура. Однако уже с 1907 г. позиции России и Японии сближаются с целью противодействия общей угрозе их особым интересам в Китае. Активное посредничество США при заключении Портсмутского мирного договора 1905 г. стало прологом для их вмешательства в определение политики великих держав в Китае. Опасаясь чрезмерного усиления позиций Японии

³ См. условия Портсмутского мирного договора 1905 г.: *Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917.* – М., 1952. – С. 338–341.

на Дальнем Востоке и действуя в духе политики «открытых дверей», США поддержали цинский Китай в его стремлении проводить политику «самоусиления» (т.е. военной и индустриальной модернизации), избавляясь от ущемлявших его суверенитет «специальных прав» иностранцев. США выступили за «интернационализацию» Маньчжурии, чтобы открыть основные сферы ее экономики для международного – главным образом американского – капитала.

Реакцией на сближение США и Китая стало заключение в июле 1907 г. двух русско-японских конвенций (открытой и секретной). Обе страны, публично обещая уважать «независимость и территориальную целостность Китайской империи», а также «принцип общего равноправия» относительно участия других наций в развитии ее экономики, в секретной конвенции выразили обоюдное стремление «избежать всяких осложнений, которые могли бы возникнуть из соревнования». Обязуясь не посягать на объекты концессий и «специальные интересы» друг друга, Россия и Япония определили свои сферы влияния в Маньчжурии: России удалось закрепить за собой большую часть Маньчжурии с долиной р. Сунгари; подконтрольная Японии территория включала юг Маньчжурии с долиной р. Ляо, богатой запасами угля, руд черных и цветных металлов. Россия признавала преобладание Японии в Корее, а Япония – «специальные интересы» России во Внешней Монголии⁴. Этому разграничению сфер влияния во многом благоприятствовало то, что Великобритания, главный союзник Японии на Дальнем Востоке, в это время стремилась устранить свои противоречия с Россией и потому предоставила Петербургу и Токио возможность действовать в Маньчжурии и Монголии по своему усмотрению⁵.

Еще определеннее общие интересы России и Японии в Маньчжурии были выражены в конвенциях 1910 г., вызванных к жизни новым совместным демаршем Америки и Китая. План госсекретаря США Ф. Нокса по «коммерческой

⁴ *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М., 1927. – С. 168–170.

⁵ *Сергеев Е.Ю.* «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании // Восток. – 2008. – № 2. – С. 90–91.

нейтрализации» железнодорожной сети Северо-Восточного Китая и связанные с этим настойчивые попытки цинского правительства добиться досрочного выкупа Китайско-Восточной железной дороги ставили под угрозу прямую транспортную связь российских территорий с Владивостоком. Положение осложнялось и возросшими масштабами китайской миграции в русскую часть Маньчжурии. Уже в 1907 г. численность китайцев в пограничной с Россией провинции Хэй-лунцзян была в пять раз больше населения русского Дальнего Востока, и парадокс состоял в том, что темпы миграции росли именно благодаря бесперебойному функционированию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог⁶. В результате расположенный на пересечении КВЖД и р. Сунгари Харбин становился не столько торгово-транс-портным аванпостом русского продвижения на юг, сколько новым центром экономического тяготения для слабо заселенных русских территорий Забайкалья и Приамурья.

Русско-японские конвенции 1910 г., уже не акцентируя внимания на соблюдении суверенных прав Китая, определили совместной целью двух стран поддержание «статус-кво, вытекающего из действующих договоров»⁷. Россия и Япония брали обязательства не противодействовать «дальнейшему укреплению и развитию специальных интересов другой стороны в пределах вышеуказанных сфер» и предпринимать консультации и совместные действия по защите обоюдных интересов⁸.

Секретная конвенция, заключенная Россией и Японией в июне 1912 г., уже в условиях происходившей в Китае революции, спровоцировавшей новый раунд соперничества империалистических держав, продлевала линию демаркации российской и японской сфер влияния в Северо-Восточном Китае до крайнего пункта границы Внешней и Внутренней Монголии, а сама Внутренняя Монголия разделялась на японскую

⁶ *Le Donne J.P.* The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y.; Oxford, 1997. – P. 216–217.

⁷ Имеются в виду русско-китайские договоры 1896 и 1898 гг. о КВЖД, часть положений которых распространялась и на Японию в связи с переходом к ней прав на эксплуатацию Южно-Маньчжурской железной дороги и аренду Ляодунского полуострова.

⁸ *Гримм Э.Д.* Указ. соч. – С. 176–177.

(восточную) и российскую (западную) сферы «специальных интересов»⁹. Таким образом, к 1913 г. Россия и Япония перед лицом общих угроз их доминированию в Северо-Восточном Китае сумели прийти в этом регионе к определенному равновесию геополитических интересов.

Маньчжурия – проигранная ставка

Однако русско-японские договоренности еще не гарантировали безоблачного будущего российских интересов в Маньчжурии. Политическая нестабильность в Китае, стремление сформировавшегося в это время англо-франко-германо-американского консорциума «интернационализировать» маньчжурский вопрос, а также продолжающаяся миграция китайского населения в регион заставляли Россию всерьез рассматривать на исходе 1912 г. возможность аннексии северной Маньчжурии как наилучшей гарантии ее закрепления в своей политической орбите¹⁰, что, однако, было проблематично в связи с демилитаризацией зоны КВЖД по условиям Портсмутского договора.

Суть дилеммы, вставшей перед Россией в ее маньчжурской политике, рельефно характеризовали расхождения в позициях российской политической элиты в ходе обсуждения строительства Амурской железной дороги (1908 г.). Если председатель Совета министров П.А. Столыпин выступал за скорейшее строительство этой дороги как стратегической резервной артерии связи с Владивостоком (на случай блокирования КВЖД) и как средства, стимулирующего заселение Приамурья¹¹, то С.Ю. Витте полагал, что для России, которая отстаивает свои права на КВЖД, «гораздо выгоднее оставить наш Амурский край в том положении, в каком он находится, – полудиком, малонаселенном», не создавая «искусственно-экономически чрезвычайное кровообращение в этом крае», которое лишь откроет канал экспансии сюда превосходящей русское население массы «китайцев, корейцев и иностранцев»¹²

⁹ *Гримм Э.Д.* Указ. соч. – С. 180.

¹⁰ *Price, E.* The Russo-Japanese Treaties of 1907–1916 Concerning Manchuria and Mongolia. Baltimore, 1933. – P. 113–116.

¹¹ См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М., 1991. – С. 119–129.

¹² *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары. Т. 2. – Минск; М., 2001. – С. 672.

(в 1913 г., через два года после начала строительства Амурской железной дороги, был завершен ее западный участок Ку-енга – Керак и проложена ветка на Благовещенск¹³).

К 1913 г. перед Россией этот же вопрос встал в еще более острой форме: насколько в новых геополитических условиях было возможно продолжение политики Витте – решительного «броска» России к «теплым морям», в самые оживленные, но милитарно опасные зоны международных коммерческих оборотов без наличия прочного экономического и демографического тыла на граничащих с Маньчжурией российских окраинах?

Ход событий показал, что позиции России на севере Маньчжурии неумолимо сужались, что фактически ставило крест на замысле С.Ю. Витте осуществить мирное промышленное «завоевание» Северо-Восточного Китая через последовательное расширение сфер российско-китайского сотрудничества и придание ему характера «особых» отношений. Инерция последствий неудачной

русско-японской войны была настолько сильна, что наибольший выигрыш от размежевания геополитических интересов в Маньчжурии получала Япония, а не Россия. Примирение с Японией, стабилизируя дальневосточные рубежи России, могло лишь отсрочить, но не отменить закат ее маньчжурского «проекта».

К тому же ценой сближения с Японией стало заметное ослабление если не политических, то экономических позиций России в северной части Тихого океана. Заключенная в 1907 г. в соответствии с Портсмутским договором русско-японская рыболовная конвенция предоставляла японским подданным право осуществлять лов и обработку рыбы и морепродуктов (кроме котиков и морских бобров) вдоль всего русского побережья Японского, Охотского и Берингова морей (за исключением некоторых бухт и рек), арендуя на общих основаниях рыболовные участки. Это усилило экспансию японских рыбопромышленников в регионе и обострило их конкуренцию с русскими промысловиками. Если в южной части русского Дальнего Востока (Приморье, Николаевск-на-Амуре и др.) русским рыбопромышленникам удавалось

¹³ Железнодорожный транспорт: Энциклопедия / Под ред. Н.С. Копырева. – М., 1994. – С. 28.

удерживать преобладающие позиции¹⁴, то в отдаленных районах Охотско-Камчатского побережья экономическая экспансия японцев приобрела угрожающие размеры. В 1913 г. в конвенционных водах Дальнего Востока японцам принадлежало 220 арендных участков, из них 198 приходилось на Охотско-Камчатское побережье (в 1907 г. – лишь 70)¹⁵. В связи с тем, что внимание российской власти на Дальнем Востоке перед Первой мировой войной было почти целиком поглощено положением в Маньчжурии, проблема экономического «захвата» отдаленных северо-восточных окраин России иностранным капиталом в этот период в целом обострилась.

Взросшая активность японского капитала в регионе была лишь частью общей тенденции. В акватории Берингова моря усиливалась активность американских и канадских китобоев, а на Чукотке американцами была внедрена целая система обмена пушнины на промышленные товары (табак, ром, ткани, ружья, швейные машины), действовавшая вне какого-либо контроля со стороны русских властей¹⁶. Побывавший на Чукотке в 1911 г. русский горный инженер писал не только о засилье иностранных торговцев, но и о бесконтрольной деятельности американских «проспекторов» в местной золотодобыче и о вытеснении ими русских предпринимателей из этой отрасли¹⁷.

Революция в Китае и русская политика в Монголии

Маньчжурская же политика была лишь частью более широкой и сложной проблемы выработки Россией своей политики по отношению к Китаю. «Самоусиление» Китая уже с 1880-х гг. порождало в русском обществе страхи по поводу грядущей «желтой опасности»; ею же запугивал перед

¹⁴ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). – М., 1989. – С. 135.

¹⁵ Ильина В.А. Японский промышленный лов на Камчатке в 1907–1928 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303. – С. 77.

¹⁶ См.: Цыперович Г. За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске. – Л., 1925. – С. 26.

¹⁷ См.: Оводенко С.Д. Отчет о поездке на Чукотский полуостров и на устье реки Анадырь в июне – августе 1911 г. // Горный журнал. – 1913. – Т. 3. – № 7. – С. 1–22.

русско-японской войной Николая II и германский кайзер. Мнения относительно будущего русско-китайских отношений колебались от предсказаний неизбежных военных столкновений до возможности заключения прочного союза с Китаем на базе взаимного доверия и совместного противостояния «тор-гово-европейским» интересам на Дальнем Востоке¹⁸. Уже маньчжурский «проект» С.Ю. Вите в целом отразил новый российский подход к Китаю, предусматривавший безусловный отказ от дальнейших территориальных приобретений России на востоке и ставку на мирные, преимущественно экономические средства проникновения в эту страну на почве общих геополитических интересов.

Синьхайская революция 1911–1913 гг., приведшая к свержению маньчжурской династии Цин, национально-патриотическому подъему в Китае и установлению там республиканского строя, вновь поставила Россию перед необходимостью определить свою политику по отношению к этой стране. Критический взгляд на события дает основание считать, что русские военные и дипломаты обладали в целом реалистическим видением существа геополитических проблем, вызванных революцией в Китае. Соседство с огромной, многомиллионной страной, раздираемой борьбой военных клик, вспышками сепаратизма и усиливавшимся соперничеством великих держав за влияние на ее политику, выдвигало на первый план интересы безопасности русских владений на Дальнем Востоке. В этой связи русская политика по отношению к Китаю должна была следовать двум, казалось бы, взаимоисключающим целям – с одной стороны, поддержке суверенитета и территориальной целостности Китая (что не позволило бы другим государствам использовать его против России), с другой – ослаблению центральной власти в Пекине, чтобы исключить собственные агрессивные действия Китая против России.

Результатом этой гибкой политики России стало укрепление ее геополитических позиций на северных окраинах Китая, которые в ходе Синьхайской революции фактически отделились от него.

¹⁸ Подробнее см.: Зубков К.И. Азиатская политика России в позднеимперский период: геополитический аспект // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1994. – С. 14–15.

Заинтересованность России в укреплении своих позиций во Внешней Монголии росла параллельно с ослаблением ее присутствия в Маньчжурии. Уже русско-японские договоренности 1907–1912 гг. заметно склонили вектор русской геополитики в направлении центральноазиатских окраин Китая, где Россия могла действовать, не сталкиваясь с соперничеством других держав. Отделенная от

остальных китайских территорий пустыней Гоби, Внешняя Монголия была важна для России не только как перспективный источник продукции животноводства и рынок сбыта российских промышленных товаров, но и как дополнительный плацдарм контроля над соседней Маньчжурией. Согласие Японии на преобладание России во Внешней Монголии и западной части Внутренней Монголии существенно облегчало реализацию российских планов.

Форсированная с начала XX в. цинским двором китайская колонизация Внешней Монголии, попытки лишить ее особого статуса и превратить в обычную китайскую провинцию, разорявшая монголов система неэквивалентного обмена в торговле с Китаем обернулись в период Синьхайской революции всемонгольским вооруженным восстанием и изгнанием из Внешней Монголии китайских чиновников, воинских частей и колонистов. За этим в декабре 1911 г. последовало провозглашение монгольскими князьями и ламаистским духовенством государственной независимости страны. В стране была провозглашена теократическая монархия во главе с богдо-гэгэном Джебзун-Дамба-хутухтой. Вытеснение китайцев из Халхи встретило понимание и поддержку российского правительства, которое тогда же откликнулось на события во Внешней Монголии официальным сообщением, разъясняющим позицию России. В нем говорилось: «... Не желая вмешиваться в происходящую в Китае борьбу и не питая агрессивных замыслов в Монголии, Россия, однако, не может не интересоваться установлением прочного порядка в этой соседней с Сибирью области, где имеются крупные русские торговые интересы»¹⁹.

В ответ на настойчивые обращения вновь образованного монгольского правительства за поддержкой российское

¹⁹ Гримм Э.Д. Указ. соч. – С. 179.

правительство, не отказывая в помощи, в то же время советовало монголам действовать умеренно и искать почву для взаимоприемлемого соглашения с Китаем; одновременно в нотах китайскому республиканскому правительству Юань Шикая Россия всячески настаивала на своем активном участии в разрешении монгольской проблемы²⁰.

Втягивание Внешней Монголии в орбиту политических интересов России относится еще к середине XIX в. В 1854 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, получивший полномочия на самостоятельное ведение дел с Китаем, предлагал российскому правительству рассмотреть вопрос об установлении российского протектората над Внешней Монголией. В 1861 г., в соответствии с Кульджинским договором России с Китаем (1851 г.), в Ур-ге было открыто русское консульство, а в 1862 г., в соответствии с дополняющими Пекинский договор 1860 г. «Правилами сухопутной торговли между Россией и Китаем», вся территория Монголии была открыта для беспошлинной торговли русских купцов. В 1881 г. Россия получила право открытия своих консульств в Улясутае и Кобдо (хотя реально это произошло только в 1905 и 1911 гг.)²¹.

На протяжении последних десятилетий XIX в. шло активное проникновение русского торгового капитала в Монголию. Из Монголии на скотобойни Сибири поставлялся в больших количествах живой скот, импортировались продукты животноводства (мясо, кожа, шерсть, войлок, конский волос) и пушнина (шкурки сурка). Из России в Монголию поступали в основном промышленные изделия – текстиль, выделанная кожа, металлические изделия, разнообразный мелочный товар. Обороты русско-монгольской торговли выросли с 260 тыс. руб. в 1863 г.²² до 1166 тыс. в 1900 г. и до 4110 тыс. руб. в 1911 г.²³ В начале XX в. торговля стала приобретать все более специализированный характер: основной статьёй монгольского экспорта постепенно становилась овечья и верблюжья шерсть,

²⁰ Ширендыб Б. История Монгольской народной революции 1921 года. – М., 1971. – С. 36.

²¹ Le Donne J.P. Op. cit. – P. 217–218.

²² Ширендыб Б. Указ. соч. – С. 20.

²³ Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.): Автореф... докт. ист. наук. – Томск, 2004. – С. 39.

а русский экспорт в Монголию на 75–80% был представлен металлоизделиями. Купцов и частных предпринимателей стали сменять торговые общества и крупные фирмы²⁴.

Однако усиление экспансии китайских торговцев во Внешнюю Монголию обнаруживало не только важную роль политической поддержки экономических интересов, но и структурные и геоэкономические слабости русской торговли в Монголии. Эта торговля длительное время имела пассивный баланс, что объяснялось как недостатком товарного предложения с русской стороны, так и растущей долей закупок монгольского сырья за серебро и деньги. Текстильная продукция российских предприятий не выдерживала конкуренции с англо-американской, которую в массовом количестве стали завозить в Монголию китайские торговцы. Конкурентоспособность российских товаров снижали громадная удаленность монгольского рынка от основных центров фабрично-заводской промышленности России и слабое развитие промышленности в соседней с Монголией Сибири.

Эти проблемы в известной степени объясняют, почему незадолго до революции в Китае русско-монгольская торговля становится объектом целенаправленной системно-институциональной поддержки, в которой интересы русского капитала и правительства России шли рука об руку. В 1908 г. было организовано «Русское экспортное общество», его учредителями стали фабриканты Московского промышленного региона, заинтересованные в экспорте своей мануфактуры на рынки стран Востока. При Министерстве торговли и промышленности России в 1909 г. было учреждено Особое междуведомственное совещание, ставившее задачей своей деятельности сбор сведений о монгольском рынке, для чего предпринимались коммерческо-ознакомительные и научные экспедиции во Внешнюю Монголию. В 1910 г. туда направились две российские экспедиции – Московского торгового общества и Томского общества по изучению Сибири²⁵.

²⁴ Старцев А.В. Указ. соч. – С. 39–43.

²⁵ Борисова И.Д. Российско-монгольские отношения и государственная трансформация Монголии в начале XX в. 2010. URL: <http://www.juristlib.ru/>

Разрешение монгольского кризиса – дипломатический триумф России

По мере того как в Монголии зрело недовольство маньчжурско-китайским господством, русские агенты в Урге усиленно склоняли монголов к разрыву связей с Китаем. Посылка монгольскими князьями в Петербург в июле 1911 г. миссии во главе с чин-ваном Ханддоржем с целью зондирования позиции России заставила российское правительство уже в следующем месяце всерьез рассмотреть на межминистерском совещании возможность активного вмешательства в монгольские дела²⁶. Но при этом правительство России склоняло новые монгольские власти к поиску компромисса с Китаем. Россия брала на себя роль посредника в урегулировании монгольско-китайских отношений, а до окончательного решения вопроса поддержала Монголию в самом существенном – в организации финансового хозяйства, поставках оружия и помощи в организации национальной армии. Широкая автономия Внешней Монголии при сохранении номинального сюзеренитета Китая над этой страной виделась русской дипломатии оптимальным решением, наилучшим образом обеспечивающим как реальную политическую самостоятельность этой страны по отношению к Китаю, так и русские экономические интересы и политическое влияние²⁷.

Несмотря на настойчивые просьбы монгольских властей о признании Россией независимости Внешней Монголии, в русско-монгольском соглашении, подписанном в Урге 21 октября (3 ноября по новому стилю) 1912 г., констатировались лишь прекращение прежних отношений Монголии с Китаем и обязательства России поддерживать монгольское правительство в вопросах сохранения самобытного строя, недопущения китайской администрации и ввода китайских войск. Взамен Россия добилась от Монголии заключения специального протокола, который оговаривал для русских подданных во Внешней Монголии преимущественные права беспопылинной торговли, свободного передвижения и проживания,

²⁶ См.: *Tang P. Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911 to 1931.* – Durham, N.C., 1959. – P. 301–304.

²⁷ Подробнее см.: *Kotkin S., Elleman B.A. Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan.* – N.Y., 1999. – P. 27–29.

приобретения или аренды земельных участков, а также право заключать с монгольской стороной соглашения о разработке горных и лесных богатств, использовании других природных ресурсов²⁸.

Осторожная позиция России в вопросе независимости Внешней Монголии, тем более – панмонголистской программы объединения Внешней и Внутренней Монголии и Барги, объяснялась нежеланием русского правительства осложнять отношения Китая, ставя под удар свои позиции в Маньчжурии. Учитывалась и негативная позиция Японии, стремившейся закрепиться во Внутренней Монголии. Отдельные попытки пророссийски настроенных князей Внутренней Монголии добиться в 1912 г. отделения от Китая не были в должной мере поддержаны российским правительством²⁹, которое настороженно отнеслось и к заключению 29 декабря 1912 г. (11 января 1913 г.) правительством Монголии союзного договора с Тибетом, не признав этот договор полноценным международным актом³⁰. В этом случае позицию России определяли не только нежелание осложнять отношения с Великобританией, с которой у нее была выработана особая формула по статусу Тибета, но и опасения по поводу возможных политических последствий панбуддистской солидарности, что непосредственно затронуло бы интересы России во Внешней Монголии, Туве и Бурятии. По существу, российское правительство не было заинтересовано ни в восстановлении власти Китая над Внешней Монголией, ни в возникновении вместо этого на азиатской границе России любой другой «могущественной иноземной силы, которая могла бы легко обратиться против нее самой»³¹ – в данном случае в объединении вокруг Урги всех монгольских земель или в еще более широком объединении всего ареала последователей тибетско-монгольского буддизма под эгидой далай-ламы.

Российский план решения монгольского вопроса завершился подписанием в Пекине 23 октября (6 ноября) 1913 г.

²⁸ *Гримм Э.Д.* Указ. соч. – С. 180.

²⁹ См.: *Белов Е.А.* Антикитайское восстание князя Удая во Внутренней Монголии (1912 г.) // *Восток.* – 1996. – № 3. – С. 39–45.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Кузьмин С.Л.* Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом: новые данные // *Восток.* – 2011. – № 4. – С. 122–128.

³¹ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. – М., 1991. – С. 54.

русско-китайской декларации о взаимном признании автономии Внешней Монголии и невмешательстве китайских властей в ее внутренние дела³². После неудачной русско-японской войны это был первый блестящий успех русской дипломатии на Дальнем Востоке. Россия сумела мирными средствами добиться вытеснения китайцев из Внешней Монголии и усилить собственное экономическое и политическое присутствие в этой стране. Геополитические последствия были значительны: России удалось не только гарантировать растущей русской промышленности новый обширный рынок, но и создать в лице автономной Монголии защитный «буфер» на своих границах с Китаем с согласия самих китайских властей. Русский торгово-промышленный капитал в Монголии на короткий срок занял практически монопольные позиции. В 1913 г. оборот русско-монгольской торговли уже достигал 11–12 млн руб.³³

Тува – новый российский протекторат

Другим достижением российской геополитики в Центральной Азии стало отделение от Китая Урянхайского края (Тувы) и превращение его в русский протекторат, что во многом стало возможным благодаря завоеванию автономии Внешней Монголией, территория которой отделяла тувинские земли от Китая с юга и востока. Тувинцы по примеру монголов изгнали китайскую администрацию и оказали им поддержку в освобождении от китайцев в августе 1912 г. города Кобдо – одного из центров Западной Монголии. После отделения от Китая перед Тувой встала альтернатива присоединения либо к Внешней Монголии, либо к России. Выбор был сделан в пользу последней. Занимая верховья Енисея, имея тесные связи с тюркскими народами Южной Сибири и уже в силу этого геополитически тяготея к России, Тува с конца XIX в. стала привлекать русских крестьян-переселенцев, которые принесли

в эту страну развитую земледельческую культуру и открыли ее для русской торговли.

В феврале 1912 г. верховный князь Тувы амбын-нойон Ком-бу-Доржу и ряд представителей кожуунов (административных

³² Сборник договоров России... – С. 418–419.

³³ *Заариев Д.С.* Основные моменты восточной торговой политики СССР. – Тифлис, 1928. – С. 49.

округов), объявив об отделении своей страны от Китая, довели до русских властей просьбу о принятии ее под покровительство России. В сентябре и октябре 1913 г. официальные просьбы такого рода последовали от главы тувинских буддистов хамбу ламы Лопсан-Чамзы и представителей кожуунов, на территории которых проживало большинство тувинского населения. В апреле следующего года Николай II, после тщательного изучения вопроса и не без колебаний, принял решение об установлении над Тувой российского протектората, что в первую очередь предусматривало переход всех внешних сношений Тувы с Монголией и другими иностранными государствами под контроль России. Тогда же российской дипломатии удалось нейтрализовать настойчивые притязания Монголии на включение Тувы в ее состав. Под названием Урянхайского края Тува была административно подчинена Енисейской губернии, а ведение политико-административных дел осуществлялось иркутским генерал-губернатором. В самой Туве учреждался пост комиссара по делам Урянхайского края как представителя генерал-губернатора и российского министра иностранных дел. С созданием протектората связано возникновение и развитие первого города на территории Тувы и ее административного центра – Белоцарска (современный Кызыл)³⁴.

Расширение влияния России в Синьцзяне

В ходе Синьхайской революции значительно усилились торгово-экономические и политические позиции России на отдаленной северо-западной окраине Цинской империи – в Синьцзяне (Восточном Туркестане). Находящийся на древней трассе Великого шелкового пути и в цивилизационном отношении имевший больше общего с сопредельными районами Казахстана и русских владений в Средней Азии, чем с Китаем, Синьцзян уже с 1850-х гг. стал интенсивно втягиваться в орбиту торгово-экономического влияния России. Более чем на 90% населенный тюркско-мусульманскими народами, поддерживавшими связи со своими соплеменниками на русской стороне, Синьцзян лишь в 1884 г. получил статус китайской провинции.

³⁴ *Дубровский В.А., Москаленко Н.П.* Тува и Россия // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 6. – С. 95.

В силу географической близости к Казахстану и Средней Азии основные торгово-экономические связи Синьцзяна в начале XX в. естественным образом замыкались на Российскую империю, которая занимала во внешней торговле региона первое место. На территории этой провинции постоянно проживали русские и татарские купцы, казахские и узбекские торговцы из числа подданных России; с Бухарой и Казанью поддерживались интенсивные культурно-религиозные связи. В первое десятилетие XX в. Синьцзян являлся для России важным поставщиком хлопка-сырца (25% всего объема экспорта), продукции животноводства, шелка-сырца, табака, ковров, изюма, орехов; российский экспорт в Синьцзян был представлен разнообразной номенклатурой товаров, в первую очередь продукцией промышленности (хлеб и мука, сахар, лесоматериалы, железо и металлоизделия, ткани, керосин). Для обслуживания оборотов торговли с Синьцзяном Русско-Азиатский банк в 1913 г. начал выпуск банкнот с правом их приема и оплаты в Кашгаре, Кульдже и Чугучаке золотом (за 1913–1914 гг. таких банкнот было выпущено на 200 тыс. руб.)³⁵.

Синьцзян становился и сферой приложения российского промышленного капитала. В регионе действовали принадлежащие российским подданным хлопкоочистительные заводы, кожевенные и мыловаренные предприятия. В 1909 г. русскими на промысле Душаньцзы в Синьцзяне была введена в эксплуатацию первая механизированная нефтяная скважина и построены первые мощности по нефтепереработке и производству керосина³⁶. Перед Первой мировой войной Товарищество по устройству путей сообщения в Семиреченской области вело переговоры с властями Илийского края о строительстве железной дороги и получении аренды сроком на 40 лет на эксплуатацию горных богатств региона³⁷.

В период Синьхайской революции зависимость Синьцзяна от торговли с Россией усилилась еще больше. Его новый

³⁵ *Шеметова Т.А.* Некоторые сведения о торговле России и Синьцзяна во втором десятилетии XX в. // Востокведческие исследования на Алтае. Вып. II: сб. науч. ст. – Барнаул, 2000. – С. 126–127.

³⁶ *Weimer C.* The Economy of Xinjiang // Xinjiang. China's Muslim Borderland / Ed. by F. Starr. Armonk, N.Y., 2004. – P. 165.

³⁷ *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Барнаул, 2003. – С. 266.

республиканский губернатор Ян Цзэнсинь, проводя политику сдерживания российской экономической экспансии в регионе, одновременно стремился к ослаблению контроля со стороны пекинского правительства, и это объективно усиливало зависимость местного населения от поставок российских товаров. Кроме того, в период революции Синьцзян лишился ежегодной правительственной субсидии в 2–3 млн таэлей (серебряных лянов), и дефицит средств покрывался в значительной степени за счет активного баланса региона в торговле с Россией. В 1913 г. российский экспорт в Синьцзян составлял 8244 тыс. руб., а вывоз – 9846 тыс. руб. (что объяснялось последующим реэкспортом Россией части продукции, получаемой из Синьцзяна, в Европу)³⁸.

Усиливалась и роль России в стабилизации сложной политической ситуации в Синьцзяне. В 1912–1913 гг. усилиями русского консульства в Урумчи были приостановлены военные действия на границе Синьцзяна и Внешней Монголии³⁹. В 1912 г. посылка с российской территории воинских частей позволила пресечь волнения местного населения в Кульдже и Кашгаре⁴⁰.

Основные выводы и уроки истории

Подводя итоги, можно заключить, что к 1913 г. российская геополитическая экспансия на востоке приобрела новый характер и

качество. Российская дипломатия сознательно ставила пределы прямым территориальным захватам, связывая расширение сферы влияния России в окружающих ее государствах с торгово-экономической экспансией и формированием геополитических конфигураций, надежно обеспечивающих безопасность страны. Принципиально важно, что, в соответствии с предсказаниями С.Ю. Витте, укрепление российской промышленности и расширение ее рынков сбыта могло в тех условиях происходить главным образом за счет выхода на азиатские рынки. Вместе с тем экспансия российского промышленного капитала в сопредельные страны

³⁸ *Forbes A.D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia.* – Cambridge, 1986. – P. 28.

³⁹ *Ibid.* – P.13.

⁴⁰ *Мусеев В.А. Указ. соч.* – С. 264–265.

Дальнего Востока и Центральной Азии, вследствие недостаточной его конкурентоспособности, с очевидностью обнаруживала острую зависимость от поддержки со стороны государства, а порой заставляла – по крайней мере, в проектах – сбиваться на традиционный аннексионистский путь.

Укрепление геополитических позиций России в Азии вызывало целый ряд трудностей, главной из которых был риск военных столкновений не только с западными державами, но и с быстро модернизирующимися странами Востока (Японией, Китаем). Это во многом объясняет направление того геополитического разворота, который пережила Россия после русско-японской войны. Главный вектор азиатской геополитики России к 1913 г. отчетливо смещался с Дальнего Востока (Маньчжурия) на более безопасное и менее конкурентное центральноазиатское направление. Именно с этим направлением связаны перспективы создания российско-азиатских экономических «сфер сопроцветания», главной осью которых С.Ю. Витте считал свой маньчжурский «проект».

Другим фактором, существенно сокращавшим потенциал экспансии российского промышленного капитала в сопредельные страны Дальнего Востока и Центральной Азии, была недостаточная степень экономического развития и заселенности собственных азиатских владений России и, как следствие, отсутствие возможности должным образом поддерживать внешнюю экономическую экспансию надежным экономическим и демографическим тылом. Необходимость заполнения экономического «вакуума» остро чувствовалась при реализации практических планов проникновения российского капитала в страны Азии.

Геополитические императивы, таким образом, дополнительно усиливали необходимость внутренней экономической модернизации России и сбалансирования ее территориально-экономической структуры сознательно осуществляемым сдвигом производительных сил на восток.